

«правды» — «неправде», торжествующей в окружающей действительности. Это своеобразное преломление социальных противоречий в общественном сознании характерно для развития социальной мысли в ряде стран в эпоху феодализма. Сошлемся на распространенные в Чехии в период гуситского движения литературные произведения, подобные, например, «Песне о правде». Правда, преследуемая Кривдой, скитается по земле и ищет заступничества поочередно у папской курии, князей, панов, монахов, горожан, крестьян, приходских священников. Она встречается с высокомерием, стяжательством, притеснениями, раздорами, завистью и, не найдя убежища на земле, уходит на небо.²⁷

Но и в русской письменности второй половины XV в. появляется «Слово о правде и неправде», неизвестный автор которого утверждал: «приаша челоуцы неправду, а правду отвергоша». Это выразилось в том, что «въста бо на девство блуд и погуби девство, въста на чистоту скверна, лютость на кротость, въста гнев на тихость, на любовь ненависть. въста несытость на пост и пианство на трезвость, въста скупость на щедрость и немилосердие на милость, въста безаконие на сохранение закона, и ина вся вьсташа неправедная на праведная делеса».

Автор «Слова о правде и неправде» видит выход из противоречий окружающей его действительности в том, чтобы «отвергнуться» всего того, что приводит к неправде, и таким образом «дойти жизни божия». А к неправде приводят «богатство, слава, власть, честь, пища, питье, одежда, раби, села, виногради и добрии храмы, всякия сладости». И пусть не надеются обладатели богатства, славы, власти и почестей, что причащение «святых даров» перед смертью избавит от ответственности перед богом за их неправду: «малы того причащатися еже довлеет к спасению», «хотящии бо искати правды, ею же дойти жизни божия, да отвергнутся сия временныя и яко чужея отбегаютъ».²⁸

В обороте противоцерковной полемики новгородско-московских еретиков имели хождение библейские тексты: «Неправедные погибнут вскоре», «От плодов правды съесть благий; души же беззаконных погибают безвременно»; «Ходяй в правде, глаголай правый путь, ненавидяй беззакония и неправды, и руце отрясай от даров: отягчавайяй уши, да не услышит суда крове: смежаяй очи, да не узрит неправды, сей вселится в высоце пещере камене крепкаго, хлеб ему дастся, и вода его верна».²⁹

В летописный свод 30—40-х годов XVI в. (Воскресенская летопись) составитель вносит статью: «Некто ходя по пустыни, и обрете жену, стоящу печальну, и рече к ней: ты кто еси? Она же рече: аз есмь Истинна. И рече ей человек: которые ради вины оставлеша град и в пустыни живеша? Она же рече: в прывая лета в малех бе лжа, ныне же во всех челоуцех...».³⁰

Антитеза правда—неправда проходит сквозь сочинения Максима Грека, как и сквозь сочинения Ивана Пересветова.

Одно из самых значительных по содержанию сочинений Ермолая Еразма названо им «Слово о разсуждении любви и правде и о побеждении вражде и лже».³¹

Именно потому, что противопоставление правды неправде явилось в изучаемое время способом констатации общественных противоречий, мимо этой антитезы не мог пройти и не прошел Зиновий Отенский. Судя

²⁷ И. Мацек. Табор в гуситском революционном движении, т. 1. М., 1956. стр. 204—206, 209.

²⁸ Памятники старинной русской литературы, вып. IV. СПб., 1862, стр. 213.

²⁹ А. И. Клибанов. Реформационные движения..., стр. 240, 245.

³⁰ ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 253

³¹ ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 178.